Пелам Гренвилл
ВУДХАУС
Вечера с мистером Муллинером
21

Пелам Гренвилл Вудхаус
Вечера с мистером Муллинером
Серия «Мистер Муллинер»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4522120
Вудхаус, П.Г. Вся правда о Муллинерах: Знакомьтесь: мистер Муллинер. Мистер Муллинер рассказывает. Вечера с мистером Муллинером: Астрель, АСТ; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-071627-2, 978-5-271-34301-8
Оригинал: Pelham Grenville Wodehouse, “MULLINER NIGHTS ”
Перевод:
Ирина Гавриловна Гурова

Аннотация

Сборник «Вечера с мистером Муллинером» завершает цикл рассказов об этом удивительном семействе.

Муллинеры – это все-таки Муллинеры… и братья их меньшие. Домашние питомцы всегда готовы сослужить верную службу своим хозяевам и даже спасти их от неминуемого брака, не боясь ударить «мордой» в грязь. Коты, пекинесы и канарейки, живущие на страницах книги, полны благородных намерений и пронизаны рыцарским духом верности, «а большего нельзя требовать даже от Муллинера».

Содержание

Победительная улыбка 4
История Уэбстера 35
Коты – это все-таки коты 68
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Пелам Гренвилл Вудхаус
Вечера с мистером Муллинером

Победительная улыбка

Беседа в «Отдыхе удильщика» коснулась животрепещущей темы прискорбного падения морали у родовой знати и помещиков Великобритании.

Начало этому обсуждению положила мисс Постлетуэйт, наша эрудированная буфетчица, сообщив, что в романчике, который она читает, виконт только что столкнул с обрыва семейного поверенного.

– Потому что он узнал его преступную тайну, – пояснила мисс Постлетуэйт, протирая стакан с известной суровостью, так как была очень достойной женщиной. – Поверенный взял да открыл его преступную тайну, а потому виконт и столкнул его с обрыва. Думается, такие вещи творятся что ни день, только мы-то про это ничего не знаем.

Мистер Муллинер умудренно кивнул.

– Что правда, то правда, – согласился он, – и, полагаю, всякий раз, когда под каким-нибудь обрывом находят куски семейного поверенного, Большая Четверка Скотленд-Яр-

да тут же устраивает облаву на всех окрестных виконтов.

– Баронеты будут похуже виконтов, – свирепо заявил Пинта Портера. – Меня только в прошлом месяце один облапошил с коровой.

– Графы будут похуже баронетов, – возразил Виски С Лимонным Соком. – Я бы мог вам такое порассказать про графов!

– А как насчет кавалеров ордена Британской империи? – угрюмо осведомился Темный Эль. – Если хотите знать мое мнение, этим О.Б.И. пальца в рот не клади.

Мистер Муллинер вздохнул.

– Беда в том, – сказал он, – что как ни горько говорить об этом, но вся британская аристократия пронизана и опутана безнравственностью. Осмелюсь предположить, что булавка, наугад вонзенная в любую страницу справочника Дебретта, обязательно проткнет фамилию пэра, чья совесть чернее сажи. А если кто-нибудь в этом сомневается, история моего племянника Адриана Муллинера, частного сыщика, послужит неопровержимым доказательством.

– А я и не знал, что у вас есть племянник – частный сыщик, – сказал Виски С Лимонным Соком.

О да! Сейчас он удалился от дел (начал мистер Муллинер), но одно время мог затмить на избранном им поприще кого угодно. Простившись с Оксфордом и испробовав два-три занятия, которые не пришлись ему по вкусу, он обрел

свою нишу, став партнером в фирме «Уиджери и Бун, агенты по расследованиям», Аберлмар-стрит. На втором году своего пребывания в этой солидной старинной фирме он познакомился с леди Миллисент Шиптон-Беллинджер, младшей дочерью пятого графа Брангболтона, и отдал ей свое сердце.

Свело молодую парочку «Дело об исчезнувшем скотч-терьере». В чисто профессиональном смысле мой племянник никогда не ставил это дело в один ряд с наиболее блистательными плодами своего дедуктивного метода, однако, учитывая все последствия, я думаю, он имел полное право считать его венцом своей карьеры. А произошло вот что: он встретил в парке заблудившееся животное, по адресу и фамилии на ошейнике пришел к дедуктивному заключению, что оно принадлежит леди Миллисент Шиптон-Беллинджер, Аппер-Брук-стрит, 18а, в заключение своей прогулки отнес его туда и вернул владелице.

«Задачка для младенца» – вот фраза, с какой Адриан Муллинер небрежно пожимал плечами, если кто-нибудь упоминал при нем это расследование, однако леди Миллисент не могла бы отнестись к случившемуся с большим энтузиазмом и восторгом, будь оно верхом дедуктивной проницательности. Она окружила моего племянника поклонением, пригласила его войти в дом и выпить чаю с поджаренным хлебом, сандвичами с анчоусами и двумя сортами кекса, после чего они расстались, связанные даже на столь ранней стадии своего знакомства чувством несколько более теп-

лым, чем простая дружба.

Да, я убежден, что девушка влюбилась в Адриана столь же молниеносно, как и он в нее. Ее ослепительная красота – вот что очаровало его. Она же, полагаю, была покорена не только правильностью его черт, каковая – как и у всех Муллинеров – не оставляла желать лучшего, но и тем, что он был брюнет с неизъяснимой грустью в глазах.

Грусть эта, собственно говоря, объяснялась несварением желудка, которым он страдал с детства, но девушка, естественно, усмотрела в ней признак великой романтической души. Никто, почувствовала она, не может казаться столь серьезным и печальным, если в нем нет скрытых глубин.

Понять ее нетрудно. Всю жизнь ее окружали безмозглые юнцы, которые посредством моноклей добывали подобие зрения из своих глаз, а что до увлекательных разговоров, то их силы окончательно истощались после вопроса, побывала ли она на выставке в Королевской академии искусств или не принести ли ей стакан лимонада. И брюнет с проницательными глазами вроде Адриана Муллинера, который интересно и непринужденно рассуждал об отпечатках подошв, психологии и преступном мире, не мог не покорить ее.

Но как бы то ни было, их любовь расцвела с удивительной быстротой. Не прошло и двух недель после их первой встречи, как Адриан, угощая Миллисент завтраком в «Кровавом пятне», детективном клубе на Руперт-стрит, сделал ей предложение и получил согласие. И можно с уверенностью ска-

зать, что в следующие двадцать четыре часа во всем Лондоне, включая и ближние пригороды, не нашлось бы частного сыщика счастливее Адриана.

Однако на следующий день, когда он вновь угощал Миллисент завтраком, его встревожило выражение на ее лице, в котором его натренированный взгляд тотчас опознал душевную муку.

– Ах, Адриан, – сказала девушка прерывающимся голосом, – случилось самое ужасное. Мой отец и слушать ничего не хочет о нашем браке. Когда я объяснила ему, что мы помолвлены, он сказал «ха!», причем несколько раз, и прибавил, что никогда в жизни не слышал подобной дьявольской чепухи. Видишь ли, после неприятностей с моим дядей Джо в тысяча девятьсот двадцать восьмом году он терпеть не может сыщиков.

– Мне кажется, я не знаком с твоим дядей Джо.

– Ты сможешь заполнить этот пробел в будущем году. С учетом хорошего поведения, он должен вернуться к нам где-то около июля. И еще одно…

– Неужели еще что-то?

– Да. Ты знаешь сэра Джаспера Эдлтона, О.Б.И.?

– Финансиста?

– Отец хочет, чтобы я вышла за него. Ну не ужасно ли это?

– Бесспорно, мне доводилось слышать вещи и поприятнее, – согласился Адриан. – Тут есть над чем поразмыслить.

Размышление над злополучностью своего положения са-

мым неблагоприятным образом подействовало на диспепсию Адриана Муллинера. Если в течение последних двух недель, пребывая в экстазе от свиданий с Миллисент и дедуктивно заключив, что она платит ему взаимностью, он совсем забыл о своем желудке, то теперь приступы несварения возобновились, став еще мучительнее. Наконец после бессонной ночи, в течение которой он испытал все эмоции человека, беззаботно проглотившего дружную семейку скорпионов, Адриан решил обратиться к специалисту.

Специалист был одним из тех современных энтузиастов, которые презирают обветшалые формулы и рецепты более консервативной массы представителей медицинской профессии. Он тщательно осмотрел Адриана, затем откинулся на спинку кресла и сложил кончики пальцев.

– Улыбайтесь! – сказал он.

– Что? – сказал Адриан.

– Улыбайтесь, мистер Муллинер!

– Вы сказали: улыбайтесь?

– Вот именно. Улыбайтесь.

– Но, – веско возразил Адриан, – я только что потерял единственную любимую девушку в моей жизни.

– Вот и прекрасно, – сказал холостой специалист. – Ну же! Начинайте улыбаться.

Адриан был несколько сбит с толку.

– Послушайте, – сказал он, – при чем тут улыбки? Мы, если память мне не изменяет, говорили о моем желудочном

соке. А теперь каким-то таинственным образом сползли на тему улыбок. Что, собственно, вы подразумеваете под этим своим «улыбайтесь»? Я вообще никогда не улыбаюсь. Да, да, с той самой минуты, когда дворецкий, споткнувшись о спаниеля, опрокинул судок с растопленным маслом на мою тетю Элизабет, я ни разу не улыбнулся. Тогда мне было двенадцать.

Специалист кивнул:

– Вот именно. Потому-то ваш желудочный тракт и досаждает вам. Диспепсия, – продолжал он, – как признают теперь прогрессивные представители нашей профессии, носит чисто психологический характер. Мы не лечим ее порошками и микстурами. Единственное лекарство от нее – счастье. Будьте веселы, мистер Муллинер. Будьте бодры. А если это не в ваших силах, то по крайней мере улыбайтесь. Простая разминка смеятельных мышц сама по себе уже благотворна. Идите в мир и каждую свободную минуту улыбайтесь во что бы то ни стало.

– Вот так?

– Шире, шире!

– А теперь?

– Уже лучше, – сказал специалист, – но все еще не так эластично, как хотелось бы. Естественно, вам нужно напрактиковаться. Разумеется, мышцы не могут сразу с легкостью выполнять непривычную функцию. Я уверен, вы справитесь и скоро все пойдет на лад.

Он смерил Адриана задумчивым взглядом.

– Странно, – сказал он. – У вас своеобразная улыбка, мистер Муллинер. Чем-то напоминает улыбку Моны Лизы. Тот же полускрытый нюанс сардоничности и злокозненности. Почему-то она вызывает ощущение, что вам известно все. К счастью, моя жизнь – открытая для всех книга, а потому я остался спокоен. Но мне кажется, будет лучше, если вы на первых порах воздержитесь от улыбок в присутствии больных или нервных людей. Всего хорошего, мистер Муллинер. С вас ровно пять гиней.

Когда позднее в этот день Адриан отправился выполнять долг, возложенный на него его фирмой, лицо молодого человека не было озарено улыбкой – ни своеобразной, ни заурядной. Он изнемогал при мысли о предстоящем испытании. Ему было поручено охранять свадебные подарки на приеме в особняке на Гросвенор-сквер, и, естественно, все, что так или иначе напоминало о бракосочетаниях, было для него как острый нож в сердце. Лицо Адриана, пока он патрулировал комнату, где лежали подарки, оставалось суровым и неприступным. Прежде при исполнении подобных обязанностей он всегда гордился тем, что никто бы не распознал в нем сыщика. А нынче даже младенец мог определить его профессию: ни дать ни взять вылитый Шерлок Холмс.

На проходивших мимо оживленных гостей он не обращал ни малейшего внимания. Обычно в подобных случаях

весь внутренне подобранный и настороженный, на этот раз Адриан позволял своим мыслям блуждать где-то далеко-далеко. Он скорбно думал о Миллисент. И внезапно (вероятно, как результат этих мрачных размышлений, хотя, возможно, свою лепту внес и бокал шампанского), возникнув где-то под третьей пуговицей щегольского жилета, Адриана поразил столь мучительный приступ диспепсии, что он почувствовал сокрушающую потребность немедленно принять какие-нибудь меры.

С немыслимым усилием он расположил свои черты в улыбке, и в тот же миг дородный, добродушного вида джентльмен с багровым лицом и седыми усами, который некоторое время бродил возле одного из столов с подарками, обернулся и узрел его.

– Дьявольщина! – прошептал он, бледнея.

Сэр Саттон Хартли-Веспинг, баронет (ибо краснолицым джентльменом был именно он), провел вторую половину дня весьма недурно. Подобно всем баронетам, посещавшим свадебные торжества, он по прибытии удостоил своим вниманием многие столы (тут прикарманив рыбный нож, там – инкрустированную брильянтами подставочку для яиц) и к этому времени, взяв на борт практически весь груз, какой могло выдержать его водоизмещение, уже подумывал направить свои стопы на Юстон-роуд к закладчику, с которым обычно вел дела. При виде улыбки Адриана он окаменел там, где стоял.

Мы видели, как улыбка Адриана подействовала на специалиста. Даже ему, человеку с прозрачнейшей, хрустальнейшей совестью, она показалась сардонической и зловещей. А потому мы в состоянии вообразить, какое действие она произвела на сэра Саттона Хартли-Веспинга.

Он понял, что ему необходимо умиротворить любой ценой этого ощеренного в улыбке субъекта. Молниеносно достав из карманов брильянтовое колье, пять рыбных ножей, десять зажигалок и пару подставочек для яиц, он положил их на стол и с нервным смешком подошел к Адриану.

– Ну, как вы, мой дорогой? – осведомился он.

Адриан ответил, что чувствует себя прекрасно. И не покривил душой. Рецепт специалиста сработал как по волшебству. Подобная сердечность совершенно ему незнакомого человека, которого он вроде бы никогда прежде не видел, его чуть-чуть удивила, но Адриан приписал ее магнетическому обаянию своей личности.

– Превосходно, – задушевно сказал баронет. – Превосходно. Чудесно. Э… кстати… мне показалось, вы сейчас улыбались?

– Да, – сказал Адриан, – я улыбнулся. Видите ли…

– Конечно, вижу. Конечно, вижу, мой дорогой. Вы заметили шутку, которую я сыграл с нашей любезной хозяйкой, и она вас позабавила, так как вы поняли, что в этом маленьком розыгрыше не было ничего дурного, никакой arriere-pensee[1]

---

[1] Задняя мысль *(фр.)*.

– ничего, кроме хорошей доброй шутки, над которой никто не посмеялся бы более весело, чем сама милая дама. И кстати, мой дорогой, у вас что-нибудь намечено на уик-энд? Может быть, погостите у меня в Суссексе?

– Вы очень любезны, – начал Адриан с сомнением: он не был полностью уверен, что расположен проводить уик-энды у незнакомцев.

– Вот моя карточка. Жду вас в пятницу. Совсем небольшая компания. Лорд Брангболтон, сэр Джаспер Эдлтон и еще кое-кто. Просто побездельничаем, а вечерком перекинемся в бридж. Чудесно. Превосходно. Так, значит, до пятницы.

И, мимоходом поставив на стол еще одну подставочку для яиц, сэр Саттон удалился.

* * *

Любые сомнения касательно приглашения баронета, которые Адриан мог испытывать, мгновенно испарились, едва он услышал имена других приглашенных. Нареченному всегда интересно познакомиться с отцом своей нареченной и с потенциальным нареченным его нареченной. Впервые после того, как Миллисент сообщила ему грустную новость, Адриан почти повеселел. Если, казалось ему, баронет с первого взгляда проникся к нему такой горячей симпатией, так ведь и лорд Брангболтон может настолько поддаться его обаянию,

что простит Адриану его профессию и примет в зятья с распростертыми объятиями.

И в пятницу он собрался в дорогу с тем, что во всех отношениях можно было назвать легким сердцем.

Счастливое стечение обстоятельств в самом начале его экспедиции еще более усилило оптимизм Адриана, внушив ему, что Судьба сражается на его стороне. Когда он шел по перрону вокзала Виктория, высматривая пустое купе в вагонах поезда, каковой должен был доставить его к месту назначения, Адриан заметил, как человек с обликом дворецкого подсаживает в вагон первого класса высокого пожилого джентльмена аристократической наружности. В первом он тотчас узнал служителя, который впустил его в дом 18а по Аппер-Брук-стрит, когда он посетил этот дом, раскрыв тайну исчезнувшего скотчтерьера. Вывод напрашивался сам собой: седовласый благообразный пассажир мог быть только лордом Брангболтоном. И Адриан решил, что сильно переоценивает свою располагающую наружность и победительное очарование своих манер, если ему не удастся на протяжении долгого пути в купе скорого поезда заручиться расположением старикана.

А потому, чуть поезд тронулся, он прыгнул туда, и граф, оторвав взгляд от газеты, указал большим пальцем на дверь.

– Убирайтесь, черт вас дери, – сказал он. – Свободных мест нет.

Поскольку в купе, кроме них, никого не было, Адриан не стал торопиться с выполнением этой просьбы. Впрочем, поезд уже набрал скорость, так что она вообще была невыполнима, и потому он в дружеском тоне обратился к графу:

– Лорд Брангболтон, если не ошибаюсь?

– Идите к черту, – сказал его сиятельство.

– Мне кажется, нам предстоит провести вместе два дня в Веспинг-Холле.

– Ну и что с того?

– Да так, к слову.

– О? – сказал лорд Брангболтон. – Ну раз уж вы тут, может, перекинемся в картишки?

Как заведено у людей, занимающих столь высокое положение в обществе, отец Миллисент никогда не отправлялся в долгий путь без колоды карт. Будучи наделен от природы большой ловкостью рук, он обычно неплохо набивал свой карман в скорых поездах.

– Знакомы с «персидскими монархами»? – осведомился он, тасуя карты.

– По-моему, нет, – сказал Адриан.

– Все просто, – сказал лорд Брангболтон. – Ставите фунт или там сколько-нибудь еще, что снимите карту старше, чем второй игрок, и если да, то вы выиграли, а если нет, так нет.

Адриан сказал, что эта игра напоминает «слепой крюк».

– Да, она похожа на «слепой крюк», – сказал лорд Брангболтон. – Очень напоминает «слепой крюк». Собственно, ес-

ли вы умеете играть в «слепой крюк», то, стало быть, умеете играть и в «персидских монархов».

К тому времени, когда поезд остановился у платформы Веспинг-Нарвы, кошелек Адриана похудел на двадцать фунтов. Факт этот, однако, его ничуть не угнетал. Наоборот, он был весьма удовлетворен ходом событий. Восхищенный своим выигрышем, старый граф стал прямо-таки дружелюбным, и Адриан решил воспользоваться полученным преимуществом при первом же удобном случае.

А потому по прибытии в Веспинг-Холл он не стал мешкать. Вскоре после того как удар гонга пригласил гостей переодеться к обеду, он направился в комнату графа Брангболтона и застал того в ванне.

– Не могу ли я поговорить с вами, лорд Брангболтон? – спросил Адриан.

– Более того, – ответил граф с несомненным расположением, – вы можете помочь мне найти мыло.

– Вы потеряли мыло?

– Да. Всего минуту назад я держал его в руке, а теперь его нет.

– Странно! – сказал Адриан.

– Очень странно, – согласился лорд Брангболтон. – Подобные происшествия заставляют крепко призадуматься. Заметьте, это мое собственное мыло. Я привез его с собой.

Адриан взвесил ситуацию.

– Расскажите мне в точности, что произошло. Собствен-

ными словами. И прошу вас, расскажите все, потому что мельчайшая деталь может оказаться важнейшей.

Его собеседник привел мысли в порядок.

– Мое имя, – начал он, – Реджинальд Александр Монтекьют Джеймс Брэмфилд Трагеннис, Шиптон-Беллинджер, пятый граф Брангболтон. Шестнадцатого числа текущего месяца – точнее сказать, сегодня – я приехал в дом моего друга, сэра Саттона Хартли-Веспинга, баронета – короче говоря, сюда, – с целью провести тут уик-энд. Зная, что сэр Саттон предпочитает, чтобы гости, находящиеся в его доме, были свежи и душисты, я решил принять перед обедом ванну. Я достал собственное мыло и за короткий отрезок времени густо намылился от шеи и выше. А затем, когда я намеревался приступить к намыливанию правой ноги, я внезапно обнаружил, что мыло исчезло. Для меня это был шок, можете мне поверить.

Адриан выслушал рассказ графа с глубочайшим вниманием. Бесспорно, проблема являла несколько интересных моментов.

– Похоже, действовал кто-то из живущих в доме. Работой банды это быть не могло. Банду вы обязательно заметили бы. Изложите коротко все факты еще раз, прошу вас.

– Ну, я сидел в ванне, вот так, и мыло было зажато у меня в ладонях, вот так. А в следующую секунду его там не оказалось.

– Вы уверены, что ничего не опустили?

Лорд Брангболтон задумался:

– Ну, естественно, я пел.

Взгляд Адриана стал сосредоточенным.

– Пели – что?

– «Сыночка».

Лицо Адриана просветлело.

– Как я и подозревал, – сказал он с удовлетворением. – Именно то, что я и предположил. Не знаю, известно ли вам, лорд Брангболтон, что при исполнении указанной песни мышцы непроизвольно сжимаются, когда вы достигаете заключительного «сыно-о-о-чка»? Вот так: «Ты по-прежнему со мной, сыно-о-о-чек». Вы видели? Тот, кто исполняет эту песню с надлежащим чувством, просто не может на этой ноте не сжать ладони, если они находятся достаточно близко друг от друга. А если в этот момент между ними располагается скользкий предмет, например кусок мыла, он неизбежно взлетит вверх и упадет… – Адриан внимательно оглядел комнату, – за пределами ванны на коврик. Как, – заключил он, подбирая пропавший предмет и возвращая его законному владельцу, – и произошло в нашем случае.

Лорд Брангболтон ахнул.

– Ну, прах побери мои пуговицы, – вскричал он, – если мне хоть раз довелось присутствовать при чем-либо подобном!

– Элементарно, – сказал Адриан, пожимая плечами.

– Вам следовало бы стать сыщиком.

Адриан не упустил момента.

– Я сыщик, – сказал он. – Моя фамилия Муллинер. Адриан Муллинер, агент по расследованиям.

На миг его слова, казалось, не произвели на графа никакого впечатления. Затем его благодушие исчезло со зловещей быстротой.

– Муллинер? Вы сказали – Муллинер?

– Да.

– Вы, случайно, не тот типчик…

– …который любит вашу дочь Миллисент с пылкостью, какую невозможно выразить словами? Да, лорд Брангболтон, я – это он. И я надеюсь, что мне будет дано получить ваше согласие на наш брак.

Жуткие складки омрачили чело графа, его пальцы, которые держали губку, конвульсивно сжались.

– А! – сказал он. – Так вы – он? И воображаете, будто я намерен принять в свою семью чертова исследователя отпечатков подошв и табачного пепла? Так вы думаете, что я дам согласие на союз моей дочери с типчиком, который ползает по половицам на четвереньках с лупой в лапе, подбирает всякие мелочи и бережно укладывает их в свой бумажник? Только этого мне не хватало! Да прежде чем разрешить Миллисент выйти за сыщика…

– Что вы имеете против сыщиков?

– Не ваше дело, что я имею! Жениться на моей дочери – еще чего! Мне нравится ваша дьявольская наглость! Вы же

не способны обеспечить ее даже губной помадой.

Адриан ни на йоту не поступился своим достоинством.

– Не отрицаю, что мои услуги вознаграждаются не так щедро, как мне бы хотелось, однако твердый намек на прибавку к следующему Рождеству…

– Ха! – сказал лорд Брангболтон. – Хо! Если вас интересуют брачные планы моей дочери, то она выйдет замуж за моего старинного друга Джаспера Эдлтона, едва он завершит продажу акций своих золотых приисков в Брама-Яма. А что до вас, мистер Муллинер, то мне остается сказать вам два слова. Одно – ПОШЕЛ, а другое – ВОН. А теперь приступайте.

Адриан вздохнул. Он увидел, что возражать надменному старцу в его нынешнем расположении духа бесполезно.

– Да будет так, лорд Брангболтон, – сказал он негромко.

И, сделав вид, что не ощутил прикосновения щетки для ногтей, метко запущенной ему в затылок, Адриан очистил помещение.

Яства и напитки, каковыми сэр Саттон Хартли-Веспинг потчевал своих гостей за обедом, начавшимся полчаса спустя, восхитили бы и самого разборчивого гурмана, но Адриан глотал их, почти не ощущая вкуса. Все его внимание сосредоточилось на сэре Джаспере Эдлтоне, сидевшем прямо напротив него.

И чем больше он изучал сэра Джаспера, тем нестерпимее

становилась мысль, что тот женится на любимой им девушке.

Бесспорно, пылкий влюбленный, разглядывающий человека, который намерен жениться на любимой им девушке, всегда выступает в качестве придирчивого критика. В подобных обстоятельствах Адриан, несомненно, поглядел бы косо и на Дугласа Фэрбенкса и на Рудольфа Валентино. Но поскольку речь идет о сэре Джаспере, надо признать, что у Адриана имелись вполне резонные основания для неодобрения.

Во-первых, этого финансиста вполне хватило бы на двух финансистов. Казалось, природа, задумав сотворить финансиста, сказала себе: «Сработаем основательно. Не поскупимся!» – и в припадке энтузиазма перегнула палку. В добавок к толщине он получился лысым и пучеглазым. И даже если бы вы извинили ему плешивость и выпуклость мутных глазок, вам бы не удалось никуда уйти от того факта, что он был очень и очень немолод. Такому человеку, почувствовал Адриан, более пристало прицениваться к участкам на Кенсел-Гринском кладбище, чем навязывать свои нежеланные ухаживания прелестной девушке вроде Миллисент. И едва обед подошел к концу, он со сдержанным отвращением приблизился к финансисту.

– На пару слов, – произнес Адриан и увел его на террасу.

О.Б.И., выйдя следом за ним в вечернюю прохладу, испытывал недоумение и некоторую тревогу. Он заметил, как Адриан пристально изучал его через обеденный стол, а если

финансисты, только что выпустившие в продажу акции золотых приисков, чего-то не любят, так в первую очередь того, чтобы их пристально изучали.

– Что вам нужно? – спросил он нервно.

Адриан окинул его холодным взглядом.

– Вы когда-нибудь смотрите на себя в зеркало, сэр Джаспер? – спросил он резко.

– Ежедневно, – растерянно ответил финансист.

– Вы когда-нибудь взвешиваетесь?

– Часто.

– Вы когда-нибудь слышали, как ваш портной, надрываясь вокруг вас с сантиметром, называет цифры своему подручному?

– Слышал.

– В таком случае, – сказал Адриан, – вы должны понимать (и я говорю это из самых бескорыстных дружеских побуждений), что вы – разжиревший дряхлый нувориш. И я не в силах понять, как вам взбрело в голову, что вы достойный спутник жизни для леди Миллисент Шиптон-Беллинджер. Не могли же вы не представить себе, каким отменным идиотом будете выглядеть, когда выйдете из дверей церкви рядом с этой юной и прелестной девушкой? Люди примут вас за престарелого дядюшку, который обещал сводить племянницу в зоопарк.

О.Б.И. оскорбился.

– Э-эй! – сказал он.

– Э-эйкать бесполезно, – предупредил Адриан. – Никакие «э-эй» вас не выручат. Факт останется фактом: пусть вы миллионер, но миллионер самого отвратного вида, жирный и дряхлый. На вашем месте я бы воздержался. Да и что вам приспичило жениться? Вы в своем нынешнем положении вполне счастливы. К тому же вспомните о риске, которым чревата жизнь финансистов. Вот будет мило, если эта чудесная девушка внезапно получит от вас телеграмму с предупреждением, чтобы она не ждала вас к обеду, так как вы начали отбывать семилетний срок тюремного заключения!

В течение первой половины этой филиппики на языке сэра Джаспера начала вертеться гневная отповедь, но при заключительных словах она осталась непроизнесенной. Финансист заметно побледнел и уставился на своего собеседника с неприкрытым страхом.

– Что вы такое говорите? – произнес он, запинаясь.

– Не важно, – отрезал Адриан.

Говорил он, разумеется, просто наугад, основывая свои слова на том факте, что почти все О.Б.И., причастные международным финансам, рано или поздно кончают тюрьмой. О делах же именно сэра Джаспера он не имел никакого понятия.

– Эй, послушайте! – сказал финансист.

Но Адриан его не услышал. Я упоминал, что во время обеда, увлеченный своими мыслями, пищу он поглощал, не жуя. И теперь природа взяла свое. Его внезапно пронзила острей-

шая боль, и с кратким болезненным «ох!» он согнулся пополам и начал описывать круги.

Сэр Джаспер нетерпеливо прищелкнул языком.

– Сейчас не время имитировать чечетку Фреда Астера, – сказал он злобно. – Объясните, что, собственно, вы имели в виду, неся всякую чушь про тюрьму?

К этому времени Адриан уже выпрямился. Луна лила на террасу серебристые лучи, озаряя его чеканные черты. И с дрожью ужаса сэр Джаспер узрел на его лице сардоническую улыбку, которая показалась ему скорее зловещей ухмылкой.

Я уже упоминал о том, какое отвращение питают финансисты к попыткам пристально их разглядывать. Но еще более бурный протест у них вызывают адресованные им злоехидные ухмылки. Сэр Джаспер покачнулся и уже собрался более настойчиво повторить свой вопрос, но Адриан, все еще улыбаясь, неверным шагом удалился в густую тьму.

Финансист поспешил в курительную, где, как ему было известно, хранились ингредиенты бодрящих зелий. А в этот момент ему требовалось очень бодрящее зелье. Он пытался убедить себя, что улыбка эта на самом деле вовсе не таила в себе того, что он в ней прочел, и тем не менее, когда сэр Джаспер подходил к курительной, его била нервная дрожь.

Едва он приоткрыл дверь, как его оглушили звуки разгневанного голоса, в котором он узнал голос лорда Брангболтона.

– Я называю это дьявольской подлостью, – говорил его си-

ятельство визгливым тенорком.

Сэр Джаспер замер в полном недоумении. Его гостеприимный хозяин сэр Саттон Хартли-Веспинг был прижат к стене, и лорд Брангболтон, тыча его в манишку ритмично двигающимся указательным пальцем, явно пребывал в сладостном процессе высказывания всего начистоту.

– Что случилось? – спросил финансист.

– Я скажу вам, что случилось! – вскричал лорд Брангболтон. – Этот сукин сын дошел до того, что нанял сыщика следить за своими гостями! Типчика по фамилии Муллинер. Вот оно, – сказал он с горечью, – вот оно, наше хваленое британское гостеприимство. Проклятие! – продолжал он, все еще тыча баронета вокруг булавки с огромным солитером. – Я называю это гнусной подлостью. Если я приглашаю погостить у меня приятелей, то, естественно, приковываю цепочкой щетки для волос и приказываю дворецкому ежевечерне пересчитывать серебряные ложки, но мне и в голову не пришло бы зайти так далеко, чтобы нанять мерзкого сыщика. Как-никак существует кодекс чести, noblesse, говорю я, oblige[2], а? а?

– Но послушайте! – молил баронет. – Сколько раз мне повторять, что я был вынужден пригласить этого типа. Я подумал, что он меня не выдаст, если откушает моего хлеба-соли.

– То есть как не выдаст?

Сэр Саттон закашлялся:

---

[2] Благородство обязывает *(фр.)*.

– Да так, пустячок. Ничего важного. Тем не менее он, бесспорно, мог поставить меня в неловкое положение, если бы захотел. А потому, когда я взглянул на него и увидел, что он улыбается мне этой жуткой многозначительной улыбкой…

Сэр Джаспер Эдлтон испустил краткий вопль:

– Улыбается? Вы сказали: улыбается?

– Вот именно, улыбается, – ответил баронет. – Одной из тех улыбочек, которые словно пронзают вас насквозь и озаряют вашу внутреннюю сущность, будто лучом прожектора.

Сэр Джаспер снова охнул:

– А этот типчик, этот улыбчивый типчик – он такой высокий худой брюнет?

– Да. За обедом он сидел напротив вас.

– И он сыщик?

– Да, – сказал лорд Брангболтон. – Самый проницательный и въедливый сыщик, – добавил он угрюмо, – из всех, какие встречались мне на жизненном пути. То, как он отыскал мое мыло… По-моему, он наделен каким-то шестым чувством, если вы меня понимаете, разрази его гром. Ненавижу сыщиков, – добавил он с дрожью в голосе. – У меня от них мурашки по коже бегают. А этот хочет жениться на моей дочери Миллисент – хватает же наглости!

– Увидимся попозже, – сказал сэр Джаспер, одним прыжком вылетел из курительной и бросился к террасе. Он почувствовал, что нельзя терять ни секунды. Пока он несся галопом вперед, его багровая физиономия приобретала пепель-

ный оттенок и все больше искажалась. Одной рукой он выудил из внутреннего кармана чековую книжку, другой – из брючного кармана – авторучку.

Когда финансист разыскал Адриана, тот чувствовал себя уже значительно лучше. Он благословлял день, когда обратился за советом к специалисту. Он чувствовал, что тот воистину знаток своего дела. Пусть от улыбки побаливали мышцы щек, но она несомненно прекращала муки диспепсии.

За несколько минут до того, как сэр Джаспер, размахивая чековой книжкой и авторучкой, вылетел на террасу, Адриан дал своему лицу передышку. Но затем боль в щеках поутихла, и он счел, что благоразумие требует продолжить лечение. А потому поспешающий к нему финансист был встречен улыбкой до того многозначительной, до того намекающей, что замер на месте и на миг лишился языка.

– А, вот вы где! – заговорил он, когда пришел в себя. – Не могу ли я побеседовать с вами наедине, мистер Муллинер?

Адриан кивнул, сияя улыбкой. Финансист ухватил его за рукав и повел вдоль террасы. Он дышал довольно тяжело.

– Я все обдумал, – сказал он, – и пришел к выводу, что вы правы.

– Прав? – переспросил Адриан.

– Относительно моего брака. Ничего хорошего он не сулит.

– Да?

– Абсолютно. Нелепость! Теперь я это вижу. Я слишком

стар для этой девушки.

– Да.

– Слишком лыс.

– Вот именно.

– И слишком толст.

– Слишком, слишком толсты, – согласился Адриан.

Такая внезапная перемена его озадачила, но тем не менее слова финансиста звучали в его ушах музыкой. Каждый слог, произносимый О.Б.И., заставлял сердце подпрыгивать в его груди резвым ягненочком на весеннем лугу, и губы Адриана изогнулись в улыбке.

Увидев ее, сэр Джаспер отпрянул, как испуганная лошадь. Он лихорадочно погладил Адриана по рукаву.

– А потому, – сказал он, – я решил последовать вашему совету и – если воспользоваться вашим выражением – воздержаться.

– Ничего лучшего вы не могли бы придумать, – сердечно отозвался Адриан.

– Если я при таких обстоятельствах останусь в Англии, – продолжал сэр Джаспер, – могут возникнуть неприятности. А потому я намерен немедленно без шума перебраться в какое-нибудь отдаленное место – скажем, в Южную Америку? Как вы думаете, я поступлю правильно? – спросил он, встряхнув чековой книжкой.

– Сугубо правильно, – сказал Адриан.

– Вы никому не упомяните про этот мой планчик? Вы со-

храните его в секрете? Если, например, кто-нибудь из ваших закадычных друзей в Скотленд-Ярде выразит интерес к месту моего пребывания, вы сошлетесь на неосведомленность?

– Безусловно.

– Превосходно! – сказал сэр Джаспер с облегчением. – А теперь еще одно. Я понял из слов Брангболтона, что вы хотели бы сами вступить в брак с леди Миллисент. А поскольку к тому времени я буду в… ну, в Каллао, это место напрашивается как-то само собой, так я бы хотел вручить вам мой маленький свадебный подарок незамедлительно.

Он начал торопливо царапать в чековой книжке, вырвал листок и вручил Адриану.

– Помните! – воскликнул он. – Никому ни слова!

– Всеконечно, – сказал Адриан.

Он смотрел, как финансист унесся в сторону гаража, сожалея, что столь несправедливо осудил человека, несомненно во многих отношениях достойнейшего. Вскоре шум мотора возвестил, что тот отправился в дорогу. Радуясь, что хотя бы одна помеха на пути к его счастью исчезла, Адриан неторопливо вернулся в дом, посмотреть, чем занимаются остальные.

Взору его, когда он забрел в библиотеку, предстала мирная, идиллическая картина. Хотя некоторые члены общества высказали желание сыграть робберок-другой в бридж, верх остался за лордом Брангболтоном, который собрал их за маленьким столиком и теперь знакомил с «персидскими мо-

нархами», своей любимой игрой.

– Очень просто, черт побери, – говорил он. – Берете колоду и снимаете. Ставите, ну, скажем, десять фунтов, что снимете карту старше, чем типчик, который играет против вас. И если так, то выиграли вы, черт побери. А если нет, то выиграл тот типчик. Все ясно? А? а?

Кто-то сказал, что игра эта похожа на «слепой крюк».

– Она похожа на «слепой крюк», – сказал лорд Брангболтон. – Очень похожа на «слепой крюк». Собственно говоря, если вы умеете играть в «слепой крюк», то умеете играть и в «персидских монархов».

Они расселись и начали игру, а Адриан расхаживал по комнате, силясь утишить ураган чувств, который подняла в его душе недавняя беседа с сэром Джаспером Эдлтоном. Теперь, размышлял он, осталось только каким-то образом победить предубеждение, которое питает против него лорд Брангболтон.

Это, разумеется, будет нелегко. Для начала – вопрос о его стесненных обстоятельствах.

Тут он внезапно вспомнил, что еще не заглянул в чек, врученный ему финансистом.

А заглянув, Адриан Муллинер закачался будто тополь в бурю.

Он не мог бы сказать, чего, собственно, ожидал. Ну, фунтов пять. Или, в лучшем случае, десять. Небольшой подарок, чтобы он мог купить себе зажигалку, или рыбный нож, или

подставочку для яиц.

Чек был на сто тысяч фунтов.

Шок оказался столь силен, что, увидев свое отражение в зеркале, напротив которого он стоял, Адриан не узнал собственного лица. Он словно смотрел сквозь туманную дымку. Но затем туман рассеялся, и он увидел ясно не только собственное лицо, но и лицо лорда Брангболтона, который как раз готовился открыть карту, чтобы выиграть у своего соседа слева, лорда Наббл-Ноппа, или проиграть ему.

И едва Адриан подумал, какое действие это внезапно обретенное богатство может произвести на отца его любимой, как по губам у него скользнула внезапная быстрая улыбка.

В тот же миг он услышал у себя за спиной сдавленное восклицание и, поглядев в зеркало, узрел глаза лорда Брангболтона. Всегда несколько выпуклые, они теперь дали бы сто очков вперед глазам любого рака.

Лорд Наббл-Нопп толкал по столу извлеченную из кармана банкноту.

– Опять туз! – сказал он. – Да будь я проклят!

Лорд Брангболтон поднялся из-за стола.

– Извините меня, – сказал он странным хрипящим голосом. – Мне необходимо переговорить с моим другом, с моим любимым старинным другом Муллинером. На пару слов, мистер Муллинер.

Оба хранили молчание, пока не дошли до угла террасы, откуда их никак не могли бы услышать в библиотеке. Тогда

лорд Брангболтон откашлялся.

– Муллинер… – начал он. – Нет, скажите мне ваше имя.

– Адриан.

– Адриан, дорогой мой, – продолжал лорд Брангболтон, – память у меня не та, что прежде, но я как будто ясно помню, что вы, пока я принимал ванну перед обедом, высказали пожелание жениться на моей дочери Миллисент.

– Да, – сказал Адриан. – И если вы против этого брака главным образом по финансовым соображениям, то позвольте вас заверить, что с тех пор я стал богатым человеком.

– Я никогда не был против вас, Адриан, из финансовых соображений или каких-либо иных, – сказал лорд Брангболтон, ласково похлопывая его по руке. – Я всегда хотел, чтобы мужем моей дочери стал прекрасный, добросердечный молодой человек вроде вас. Ведь вы, Адриан, – продолжил он свою мысль, – добросердечны как никто. И вам даже в голову не придет огорчить своего тестя упоминанием о каких-либо… каких-либо пустячных… Впрочем, по вашей улыбке там, у карточного стола, я понял, что вы заметили небольшие изменения, которые я привнес в «слепой крюк»… вернее, в «персидских монархов» – ну, некоторые, скажем, вариации с целью придать игре добавочный интерес и азартность, и я чувствую, вы выше того, чтобы поставить своего тестя в неловкое положение. Ну, без лишних слов, мой мальчик, бери Миллисент и с ней мое отцовское благословение.

Он протянул руку, и Адриан горячо ее пожал.

– Я счастливейший человек в мире, – сказал он, улыбаясь.

Лорд Брангболтон содрогнулся.

– Вы не могли бы воздержаться? – сказал он.

– Но я же только улыбнулся, – сказал Адриан.

– Я знаю, – сказал лорд Брангболтон.

Добавить остается немного. Три месяца спустя Миллисент и Адриан сочетались браком в фешенебельной церкви в Уэст-Энде. Присутствовал весь высший свет. Подарки были многочисленными и дорогими, а невеста выглядела пленительно. Обряд совершил преподобнейший настоятель храма.

Лишь потом в ризнице Адриан, посмотрев на Миллисент, вдруг в первый раз по-настоящему понял, что все его беды и треволнения остались позади, что эта прелестная девушка действительно его законная супруга, и на него нахлынуло ощущение неописуемого счастья.

На протяжении всего обряда он хранил серьезность, подобающую мужчине в поворотные минуты его жизни. Но теперь, весь искрясь радостью, будто в груди у него забродила какая-то душевная закваска, он заключил Миллисент в объятия, и по его лицу над ее плечом скользнула быстрая улыбка.

Внезапно он обнаружил, что смотрит прямо в глаза настоятеля. Секунду спустя он ощутил прикосновение к своему рукаву.

– Не могу ли я побеседовать с вами наедине, мистер Муллинер, – осведомился настоятель вполголоса.

История Уэбстера

– Кошки – не собаки!

Есть только одно место, где можно услышать такой перл мудрости, небрежно оброненный в общей беседе, и место это – зал «Отдыха удильщика». Вот там-то, пока мы благодушествовали у топящегося камина, задумчивый Пинта Портера и сделал вышеприведенное заявление.

Хотя беседа до этого момента велась о теории относительности Эйнштейна, мы охотно настроили наши умы на предложенную тему. Регулярное посещение ежевечерних собраний, на которых мистер Муллинер председательствует с таким неколебимым достоинством и такой любезностью, развивает большую гибкость ума. В нашем тесном кружке спор о Последнем Местопребывании Души во мгновение ока может перейти на лучшие способы поджаривания грудинки, не позволяющие ей утратить сочность.

– Кошки, – продолжал Пинта Портера, – эгоистичны. Человек может всячески ублажать кошку неделя за неделей, исполнять ее малейшие прихоти, а она берет и уходит от него, потому что по соседству нашла себе местечко, где чаще дают рыбу.

– А я потому кошек не уважаю, – сказал Виски С Лимонным Соком мрачно, словно человек, хранящий в сердце тайную обиду, – что на них нельзя положиться. Им недостает

прямоты, и игру они ведут нечестно. Вы обзаводитесь котом и называете его Томас или Джордж, это уж как выйдет. Все вроде бы чинно и благородно. А потом просыпаетесь в одно прекрасное утро и находите в шляпной картонке шестерых котят. Приходится все начинать сначала, да только под другим углом.

– Если хотите знать, чем кошки плохи, – сказал краснолицый мужчина с остекленелыми глазами, – так это тем, что у них нет никакого такта. Вот у одного моего друга была кошка, и уж он с ней так нянчился! А что произошло? Каков был результат? Однажды вечером он вернулся домой довольно поздно и как раз вставил штопор в замочную скважину, а его кошка – вы не поверите! – выбрала именно эту секунду, чтобы спрыгнуть с дерева ему на шею. Ну, никакого такта!

Мистер Муллинер покачал головой.

– Пусть все так, – сказал он, – но все же, по моему мнению, до самой сути вы не добрались. Истинный порок подавляющего большинства кошек – это нестерпимый вид превосходства, который они на себя напускают. Кошки как класс так полностью и не избавились от чванства, восходящего к тому обстоятельству, что в Древнем Египте им поклонялись как богам. А потому они нередко склонны критиковать и осуждать податливых на соблазн, слабых смертных, с которыми их сводит судьба. Их пристальный взгляд полон упрека. В их глазах сквозит пренебрежительная жалость. И на чувствительного, впечатлительного человека это часто оказывает са-

мое скверное воздействие, порождает комплекс неполноценности в самой тяжелой форме. Странно, что разговор принял такой оборот, – сказал мистер Муллинер, прихлебывая свое подогретое шотландское виски с лимонным соком. – Я лишь сегодня днем вспоминал необычное происшествие с Ланселотом, сыном моего кузена Эдварда.

– Я знавал кота… – начал было Светлый Эль.

* * *

Ланселот, сын моего кузена Эдварда (начал мистер Муллинер), в то время, о котором я говорю, был красивым юношей двадцати пяти лет. Осиротев еще в нежном возрасте, он вырос в доме своего дяди Теодора, высокопреподобного настоятеля Болсоверского собора, и этот святой человек испытал страшный шок, когда по достижении совершеннолетия Ланселот написал ему, что снял студию на Ботт-стрит в Челси с намерением остаться в столице и стать художником.

О художниках настоятель был самого низкого мнения. Как ведущий член Болсоверского наблюдательного комитета, он, мужественно исполняя омерзительный долг, был вынужден присутствовать на частном просмотре суперсуперфильма «Палитры страсти». И теперь ответил на сообщение племянника возмущенной эпистолой, в которой подчеркнул, как прискорбно и больно ему думать, что его собственная плоть и кровь по доброй воле избрал жизненный путь, ко-

торый рано или поздно приведет его к писанию портретов русских княгинь, которые, лишь наполовину прикрыв наготу, возлежат на диванах в обнимку с ручными ягуарами. Он убеждал Ланселота вернуться под его кров и стать младшим священником, пока еще не поздно.

Но Ланселот остался непреклонен. Он глубоко сожалел о размолвке с родственником, которого всегда уважал, но пусть его прах поберет, если он вернется в среду, душившую его личность и налагавшую оковы на его дух. И в течение четырех лет дядя и племянник хранили взаимное молчание.

За эти годы Ланселот заметно продвинулся на избранном им поприще. И в тот момент, с которого начинается эта история, его будущее казалось весьма радужным. Он писал портрет Бренды, единственной дочери мистера и миссис Б.Б. Карберри-Пэрбрайт, проживающих в доме номер 11 на Макстон-сквер в Южном Кенсингтоне, что означало тридцать фунтов в его носок после доставки туда завершенного шедевра. Он научился жарить яичницу с беконом и практически покорил гавайскую гитару. И в довершение всего был помолвлен с бесстрашной юной поэтессой (приверженной верлибру) по имени Глэдис Бингли, более известной как Сладкозвучная Певица и проживающей в Гарбридж-Мьюс, Фулем, – очаровательной девушкой, очень похожей на зубочистку.

Ланселоту казалось, что жизнь прекрасна и полна радостей. Он наслаждался настоящим, не вспоминая прошлого.

Но как верно подмечено, прошлое неотделимо связано с настоящим, и нам не дано предугадать, в какой момент оно взорвет у нас под ногами бомбу замедленного действия. В один прекрасный день, когда он вносил мелкие изменения в портрет Бренды Карберри-Пэрбрайт, в студию вошла его нареченная.

Он ожидал ее, так как в этот день она отбывала на трехнедельный отдых на юге Франции и обещала заглянуть к нему по дороге на вокзал. Ланселот отложил кисть и воззрился на Глэдис Бингли с пылкой страстью, в тысячный раз ощущая, как он обожает каждое чернильное пятнышко на ее носике. Она стояла в дверях, вихры коротко подстриженных волос торчали во все стороны, как прутья метлы, и зрелище это проникало в самые глубины его сердца.

– Наше вам, Рептилия! – сказал он с неизъяснимой нежностью.

– И с кисточкой, Червячище, – отозвалась Глэдис, сияя девичьим обожанием сквозь монокль в левом глазу. – У меня ровно полчаса.

– Ну что же, – сказал Ланселот, – полчаса пролетят быстро. А что это у тебя в руке?

– Письмо, олух. А ты думал что?

– Откуда оно у тебя?

– У дверей я столкнулась с почтальоном.

Ланселот взял у нее конверт и изучил его.

– Ох! – сказал он.

– Что случилось?

– Письмо от моего дяди Теодора.

– А я и не знала, что у тебя есть дядя Теодор.

– Еще как есть. И уже много лет.

– Так о чем он тебе пишет?

– Если ты способна прикусить язык на две секунды, то сделай это, – предложил Ланселот, – и я введу тебя в курс дела.

Звонким голосом, который, как и у всех Муллинеров, даже самого дальнего родства, отличался мелодичностью и четкой артикуляцией, он прочел следующее:

Резиденция настоятеля,
Болсовер,
Уилтшир.

Дорогой Ланселот! Как ты уже, конечно, знаешь из «Церковных вестей», мне предложили и я принял вакантную епархию Бонго-Бонго в Западной Африке. Я отплываю немедленно, дабы приступить к возложенным на меня новым обязанностям.

Подобные обстоятельства вынуждают меня подыскать надежный приют для Уэбстера, моего милого котика. Увы, сопровождать меня он не может, ибо вредность климата и отсутствие надлежащих удобств могут совсем подорвать здоровье того, чей организм, увы, не отличается крепостью.

Посему я отправляю его по твоему адресу, мой

милый мальчик, в корзине, устланной соломкой, с полной уверенностью, что ты примешь его ласково и заботливо.

С наилучшими сердечнейшими пожеланиями
Твой любящий дядя ТЕОДОР БОНГО-БОНГО.

Когда Ланселот кончил читать это послание, в студии на минуту-другую воцарилось задумчивое молчание. Наконец его прервала Глэдис.

– Ну и нахальство! – сказала она. – Я бы ни за что не согласилась.

– А почему?

– Зачем тебе кот?

Ланселот поразмыслил.

– Бесспорно, – сказал он, – будь у меня полная свобода рук, я предпочел бы не превращать мою студию в кошачий приют. Но тут особые обстоятельства. Последние несколько лет мои отношения с дядей Теодором были несколько натянутыми. Собственно, можно было сказать, что мы расстались навсегда. И мне сдается, что он смягчился. Я бы уподобил это письмо оливковой ветви. Если я ублажу его кота, то, пожалуй, получу право слегка подоить дядюшку, как потвоему?

– Так он богат, зануда этот? – с интересом спросила Глэдис.

– Очень и очень.

– В таком случае, – сказала Глэдис, – считай, что я беру

свои возражения назад. Солидный чек от благодарного котолюба, бесспорно, придется весьма кстати. Мы бы смогли пожениться уже в этом году.

– Вот именно, – подтвердил Ланселот. – Гнусная перспектива, конечно, но раз уж мы решили, то чем скорее покончим с этим делом, тем лучше, верно?

– Абсолютно.

– Так заметано: я беру опеку над котом.

– И правильно делаешь, – сказала Глэдис. – А пока ты не мог бы одолжить мне гребешок? У тебя в спальне имеется такая штука?

– А зачем тебе гребешок?

– Да мне за обедом суп в волосы попал. Я сейчас.

Она выбежала за дверь, и Ланселот, вновь взяв письмо, обнаружил, что не прочел его продолжения на обороте листка.

А там было написано следующее:

> *P.S. Посылая Уэбстера в твой дом, я действую не только из желания устроить верного друга и товарища наилучшим образом, но мной движет и иное побуждение.*
>
> *Я полагаю, что общество Уэбстера окажется неизмеримо полезным для тебя как в моральном, так и в воспитательном отношении. Смею надеяться, что его появление под твоим кровом явится поворотным моментом в твоей жизни. С неизбежностью пребывая среди распущенной и безнравственной богемы, в этом*

коте ты обретешь пример достойного поведения, который, без сомнения, послужит противоядием от отравленной чаши соблазнов, каковую, надо полагать, к твоим губам подносят ежечасно.

P.P.S. Сливки только днем, а рыбу не чаще трех раз в неделю.

Ланселот перечитывал эти наставления во второй раз, когда в дверь позвонили и он увидел на крыльце мужчину с корзиной, закрытой крышкой. Корректное «мяу» из ее недр не оставило сомнений в содержимом, и Ланселот отнес корзину в студию, где разрезал бечевку.

– Э-эй! – рявкнул он, подойдя к двери.

– Что еще?! – взвизгнула сверху его нареченная.

– Кот прибыл.

– Хорошо. Сейчас спущусь.

Ланселот вернулся к корзине.

– Здорово, Уэбстер! – сказал он бодро. – Как делишки, приятель?

Кот не ответил. Он сидел, склонив голову, умываясь и причесываясь, как и принято после железнодорожного путешествия.

Для облегчения этих гигиенических операций он вытянул одну ногу, держа ее на весу. И тут Ланселоту вспомнилось старинное поверье, о котором он в нежном детстве услышал от своей нянюшки. Если, сказала эта женщина, подкрасться к кошке, когда ее нога вытянута на весу, и дернуть за эту но-

гу, загадав желание, то желание это сбудется не позже чем через тридцать дней. Такое вот милое суеверие, и Ланселот решил, что теорию следует проверить на практике. А потому он с опаской подкрался и уже протягивал руку в намерении дернуть, когда Уэбстер опустил ногу, обернулся и поднял глаза.

Он поглядел на Ланселота, и внезапно Ланселот мучительно осознал, какую недопустимую вольность чуть было себе не позволил.

До этого мгновения Ланселот Муллинер (хотя, казалось бы, постскриптум дядюшкиного письма должен был его насторожить) понятия не имел, какого кота он принял под свой кров. Теперь в первый раз он посмотрел на Уэбстера внимательно и увидел его как единое целое.

Уэбстер был очень большим, очень черным. Он производил впечатление кота сдержанного, но крайне глубокого. Потомок старинного церковного рода, чьи предки церемонно ухаживали за своими избранницами под сенью соборов и на кирпичных оградах епископских дворцов, он обладал тем благолепием манер, какое отличает князей церкви. Его чистые глаза смотрели ясно и невозмутимо и, казалось, проникли в самые дальние уголки души Ланселота, который не замедлил почувствовать себя ужасно виноватым.

Когда-то давным-давно, в дни своего буйного детства, Ланселот, проводя летние месяцы в резиденции настоятеля, настолько забылся под влиянием лимонада и первородного

греха, что пульнул в ногу старшего каноника из своего духового ружьеца. А обернувшись, обнаружил, что гостивший у настоятеля архидьякон наблюдал всю эту сцену в непосредственном его тылу. И то, что он почувствовал тогда, встретив взгляд архидьякона, Ланселот ощутил теперь под безмолвным взором Уэбстера.

Уэбстер, правду сказать, бровей не поднял. Но потому лишь, сообразил Ланселот, что таковых у кота не имелось.

Ланселот попятился, залившись краской.

– Прошу прощения, – пробормотал он.

Наступила пауза. Уэбстер продолжал сверлить его взглядом. Ланселот отступил к двери.

– Э… извините… я на минутку, – промямлил он и, бочком выбравшись из комнаты, помчался наверх в полном расстройстве чувств.

– Знаешь… – начал Ланселот.

– Ну, что еще? – спросила Глэдис.

– Тебе зеркало больше не нужно?

– А что?

– Э… я подумал, – сказал Ланселот, – что мне надо бы побриться.

Девушка изумленно уставилась на него:

– Побриться? Так ты же брился всего позавчера.

– Знаю. И все-таки… то есть… ну, в знак уважения. Кот, понимаешь?

– Что – кот?

– Ну, он как бы ожидал, что я… Сказано, собственно, ничего не было, но понять было нетрудно. Вот я и подумал, что быстренько побреюсь и, может быть, переоденусь в мой синий шерстяной костюм.

– Наверное, ему пить хочется. Дай ему молока.

– Ты думаешь, можно? – сказал Ланселот с сомнением. – Понимаешь, я ведь не настолько близко с ним знаком. – Он помолчал, а потом продолжал нерешительно: – И вот что, старушка…

– А?

– Я знаю, ты не рассердишься, что я об этом упоминаю, но у тебя нос в чернильных пятнах.

– Конечно. Нос у меня всегда в чернильных пятнах.

– Ну, а ты не думаешь, если быстренько потереть кусочком пемзы?.. Ты же знаешь, как важны первые впечатления…

Глэдис выпучила на него глаза.

– Ланселот Муллинер, – заявила она, – если ты думаешь, что я обдеру себе нос до костей ради какой-то паршивой кошки…

– Ш-ш-ш! – в агонии перебил Ланселот.

– Пойду вниз, погляжу на него, – сказала Глэдис, надувшись.

Когда они вошли в студию, Уэбстер с брезгливостью созерцал иллюстрацию из «La Vie Parisienne»[3], украшавшую

---

[3] Парижская жизнь *(фр.)*.

одну из стен. Ланселот торопливо содрал ее со стены.

Глэдис смерила Уэбстера недружелюбным взглядом:

– А, так вот этот паршивец!

– Ш-ш-ш!

– Если хочешь знать мое мнение, – сказала Глэдис, – этот кот жил чересчур вольготно. Ублажал себя, как мог. Посади-ка его на диету.

По сути, ее критика не была необоснованной. Бесспорно, во внешности Уэбстера просматривался отнюдь не просто намек на embonpoint[4]. Он обладал той благообразной упитанностью, которую мы привыкли ассоциировать с обитателями резиденций при соборах. Однако Ланселот тревожно поежился. Он так надеялся, что Глэдис произведет хорошее впечатление, а она с места в карьер принялась допускать одну бестактность за другой.

Он томился желанием объяснить Уэбстеру, что у нее просто манера такая, что в кругах богемы, где она блистает, доброжелательное подшучивание над наружностью общепринято и даже очень высоко ценится. Но было поздно. Непоправимое произошло. Уэбстер надменно отвернулся и молча удалился за диван.

Глэдис, ничего не заметив, начала прощаться.

– Ну, наше с кисточкой, – сказала она весело. – Увидимся через три недели. Наверняка вы с этим котом загуляете, стоит мне выйти за дверь.

---

[4] Полнота *(фр.)*.

– Ну пожалуйста! – простонал Ланселот. – Прошу тебя!

Он заметил кончик черного хвоста, торчащий из-за дивана. Кончик этот слегка подергивался, и Ланселот понимал его с полуподергивания. С гнетущим отчаянием он убедился, что Уэбстер уже вынес приговор его невесте, осудив ее как недостойную пустоголовую ветреницу.

Примерно десять дней спустя Бернард Уорпл, скульптор-неовортуист, завернув перекусить в «Лиловую куропатку», увидел там Родни Сколлопа, выдающегося юного сюрреалиста. Они потолковали каждый о своем искусстве, а потом Уорпл спросил:

– Что такое говорят про Ланселота Муллинера? Ходят нелепые слухи, будто его видели свежевыбритым в середине недели. Полагаю, за ними ничего нет?

Сколлоп нахмурился. Он как раз собирался сам заговорить о Ланселоте, так как любил его и очень за него тревожился.

– Это чистая правда, – ответил он.

– Просто не верится!

Сколлоп наклонился к нему. Его красивое лицо было полно тревоги.

– Я тебе кое-что скажу, Уорпл.

– Что такое?

– Мне доподлинно известно, что Ланселот Муллинер теперь бреется каждое утро.

Уорпл раздвинул спагетти, которые развешивал на себе, и посмотрел в образовавшуюся щель на Сколлопа.

– Каждое утро?

– Без единого исключения. Я недавно забежал к нему – и здрасьте! Аккуратненько одет в синий шерстяной костюмчик, щеки выбриты до блеска. И более того: у меня есть основания полагать, что он их пудрит тальком.

– Не может быть!

– Может. И хочешь, я тебе скажу кое-что еще? На столе лежала раскрытая книга. Он поторопился ее спрятать, но опоздал. Руководство по этикету, представляешь?

– Руководство по этикету!

– «Изысканные манеры» леди Констанции Бодбенк.

Уорпл смотал длинную спагеттину, зацепившуюся за его левое ухо. Он был крайне взволнован. Как и Сколлоп, он любил Ланселота.

– Того гляди, он начнет переодеваться к обеду! – вскричал Уорпл.

– У меня есть все основания полагать, – мрачно заметил Сколлоп, – что он уже переодевается к обеду. Во всяком случае, очень похожего на него человека видели в прошлый четверг, когда тот покупал три крахмальных воротничка и черный галстук – у «Братьев Хоуп» на Кингз-роуд.

Уорпл резко отодвинул стул и вскочил. Он был сама решимость.

– Сколлоп, – сказал он, – мы друзья Муллинера – ты и я. В

том, что ты мне рассказал, ясно проглядывает какое-то зловредное влияние, и еще никогда он так не нуждался в нашей дружбе. Не отправиться ли к нему прямо сейчас?

– Именно это я и собирался предложить, – сказал Родни Сколлоп.

Двадцать минут спустя они уже были в студии Ланселота, и Сколлоп красноречивым взглядом обратил внимание своего спутника на облик их гостеприимного хозяина. Ланселот Муллинер был корректно, даже щеголевато облачен в синий шерстяной костюм, складки на брюках отглажены, а его подбородок, как с болью в сердце признал Уорпл, глянцево поблескивал в оранжеватом свете заката.

Сигары во ртах его друзей явно напугали Ланселота.

– Полагаю, вы не против выбросить их? – сказал он умоляюще.

Родни Сколлоп с некоторой надменностью выпрямился во весь рост.

– С каких это пор, – вопросил он, – ты воротишь нос от лучших сигар в Челси, четыре пенса штука?

Ланселот поспешил его разуверить.

– Не я, – вскричал он, – а Уэбстер! Мой кот. Просто я знаю, что он не терпит табачного дыма. Из уважения к его взглядам я был вынужден отказаться от трубки.

Бернард Уорпл недоверчиво хмыкнул.

– Ты пытаешься нас уверить, – съязвил он, – что Ланселот Муллинер позволяет командовать собой какому-то чертову

коту?

– Тише! – воскликнул Ланселот, затрепетав. – Знал бы ты, как его возмущают сильные выражения!

– Где этот кот? – осведомился Родни Сколлоп. – Вон то животное? – добавил он, указывая за окно, где крутого вида котище с драными ушами стоял и мяукал уголком рта, как отъявленный хулиган.

– Да что ты! – сказал Ланселот. – Это уличный кот, который время от времени заглядывает сюда перекусить чем-нибудь из мусорного бака. Уэбстер совсем другой. Уэбстер полон врожденного достоинства и отличается величавостью манер. Уэбстер – кот, который гордится тем, что всегда выглядит наикорректнейшим образом. Его высокие принципы и возвышенные идеалы светятся у него в глазах, подобно маякам… – Внезапно Ланселот сломался и тихонько добавил совсем иным тоном: – Будь он проклят! Проклят! Проклят!

Уорпл посмотрел на Сколлопа, Сколлоп посмотрел на Уорпла.

– Послушай, старина, – сказал Сколлоп, ласково опуская ладонь на согбенные плечи Ланселота, – мы же твои друзья. Доверься нам!

– Расскажи нам все, – добавил Уорпл. – В чем, собственно, дело?

Ланселот испустил горький тоскливый смешок:

– Вы хотите узнать, в чем дело? Так слушайте. Я подлапник.

– Подлапник?

– Вы же знаете, что такое подкаблучник. Ну а я – подлапник.

И прерывающимся голосом он рассказал им свою печальную повесть. Изложил свою историю отношений с Уэбстером с момента, когда тот прибыл в студию. Уверившись, что кот не подслушивает, он излил душу без купюр.

– Что-то у зверюги в глазах есть такое… – Голос его дрожал. – Гипнотическое. Он накладывает на меня заклятия. Пялится на меня и осуждает. Мало-помалу, шажок за шажком я под его влиянием превращаюсь из нормального уважающего себя художника в… ну, не знаю, как это определить. Достаточно сказать, что я перестал курить, перестал носить шлепанцы и разгуливать без воротничка, что не смею сесть за свой скудный ужин, предварительно не переодевшись, и… – тут он захлебнулся рыданиями, – я продал свою гавайскую гитару.

– Быть не может! – вскричал Уорпл, бледнея.

– Да, – сказал Ланселот, – я почувствовал, что он ее не одобряет.

Наступило долгое молчание.

– Муллинер, – сказал Сколлоп, – это гораздо серьезнее, чем я полагал. Нам следует пораскинуть мозгами, что тут можно сделать.

– Вероятно, – добавил Уорпл, – какой-то выход найдется.

Ланселот безнадежно покачал головой:

– Выхода нет. Я рассмотрел все варианты. Лишь одно, возможно, могло бы избавить меня от нестерпимого ига – если бы я разок, один-единственный разок изловил этого кота на какой-нибудь слабости. Если бы он разок – всего разок – на единый миг утратил свое суровое достоинство, то, чувствую, чары были бы разрушены. Но на это нет ни малейшего шанса! – страстно вскричал Ланселот. – Вот ты только что указал на уличного кота во дворе. Вон он стоит – тот, кто не жалел никаких усилий, чтобы сломить нечеловеческое самообладание Уэбстера. Я слышал, как этот зверюга говорил ему вещи, каких ни один кот, у кого в жилах течет кровь, а не водица, не потерпел бы и секунды. Но Уэбстер бросает на него взгляд, будто викарный епископ на провинившегося мальчика в церковном хоре, отворачивает голову и погружается в освежающий сон.

Он всхлипнул без слез. Уорпл, неисправимый оптимист, попытался по доброте сердечной утешить его, приуменьшив трагедию.

– Что же, – сказал он, – скверно, конечно, но, полагаю, в том, чтобы бриться, переодеваться к обеду и все такое прочее, никакого вреда нет. Многие великие художники… Уистлер, например…

– Погоди! – вскричал Ланселот. – Вы еще не слышали самого страшного.

Он судорожно вскочил, подошел к мольберту и открыл портрет Бренды Карберри-Пэрбрайт.

– Вот, поглядите, – сказал он, – и скажите, что вы о ней думаете?

Его друзья молча разглядывали повернутое к ним лицо. Мисс Карберри-Пэрбрайт была девицей крайне чопорной и ледяной наружности. Отгадать причину, побудившую ее заказать свой портрет, представлялось невозможным. Никто долго не выдержал бы подобного на стене своего жилища.

Молчание прервал Сколлоп:

– Вы друзья?

– Видеть ее не могу, – яростно ответил Ланселот.

– В таком случае, – продолжал Сколлоп, – могу говорить откровенно. По-моему, она прыщ.

– Чирей, – добавил Уорпл.

– Фурункул и язва, – подвел итоги Сколлоп.

Ланселот хрипло засмеялся:

– Вы описали ее с поразительной точностью. Она воплощает все наиболее противопоказанное моей артистической натуре. Меня от нее тошнит. Я женюсь на ней.

– Что-о?! – вскричал Сколлоп.

– Ты же собираешься жениться на Глэдис Бингли, – добавил Уорпл.

– Уэбстер так не считает, – сказал Ланселот с горечью. – При их первой встрече он исчислил ее, взвесил и нашел очень легкой. А едва он увидел Бренду Карберри-Пэрбрайт, как задрал хвост под прямым углом, приветственно заурчал и потерся головой о ее ногу. Я сразу понял, что у него на уме.

И с той минуты он прилагает все усилия, чтобы устроить этот брак.

– Но, Муллинер, – сказал Уорпл, всегда торопившийся указать на светлую сторону любой ситуации, – с какой стати эта девушка захочет выйти за никчемного, паршивого олуха без гроша в кармане, подобного тебе? Ободрись, Муллинер, надо просто выждать, и ее начнет от тебя воротить.

Ланселот покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Ты говоришь как истинный друг, Уорпл, но ты не понимаешь. Старая миссис Карберри-Пэрбрайт, мать, присутствующая на сеансах во имя приличий, очень скоро узнала про мое родство с дядей Теодором, у которого наличности куры не клюют. Она знает, что когда-нибудь я буду богат. Она знавала дядю Теодора, когда тот был священником прихода Святого Ботольфа в Найтсбридже, и с самого начала держалась со мной с отвратной фамильярностью старинной знакомой. Без конца старается залучить меня к себе с визитом в свои приемные дни, на свои воскресные завтраки, на свои обеды в тесном дружеском кругу. Както раз она даже выразила желание, чтобы я сопровождал ее и ее гнусную дочку на выставку в академии.

Он горько усмехнулся. Ядовитые сарказмы Ланселота Муллинера по адресу Королевской академии искусств цитировались от Тайт-стрит на юге до Холланд-парка на севере, а на восток так до самого Блумсбери.

– Я твердо противостоял всем этим увертюрам, – продол-

жал Ланселот. – С самого начала я сохранял ледяное безразличие. Я не говорил прямо, что предпочту умереть под забором, чем нанести ей визит, но давал это понять своей манерой держаться. И я уже начинал верить, что заткнул ей пасть, когда вмешался Уэбстер и погубил все. Знаете, сколько раз я уже побывал в этом инфернальном доме за последнюю неделю? Пять! Уэбстер как будто желал этого. Говорю вам, я погибший человек.

Он закрыл лицо руками, Сколлоп тронул Уорпла за плечо, и они бесшумно выскользнули из комнаты.

– Скверно! – сказал Уорпл.

– Очень скверно, – добавил Сколлоп.

– Просто поверить невозможно.

– Ну нет. Увы, подобные случаи не такая уж редкость среди людей, которые, подобно Муллинеру, в заметной степени наделены тонким, сверхчувствительным артистическим темпераментом. Мой приятель, специалист по ритмическим интерьерам, однажды необдуманно согласился взять к себе в студию попугая своей тетки, пока она гостила у друзей на севере Англии. Она была дамой твердых евангелических взглядов, и птица впитала их. У попки была манера наклонять голову набок, испускать звук, словно кто-то откупоривает бутылку, и спрашивать у моего друга, спасен ли он. Короче говоря, когда я навестил его месяц спустя, оказалось, что он установил у себя в студии фисгармонию и как раз звучным тенором распевал духовные гимны, как старинные,

так и современные, а попугай стоял на своей жердочке на одной ноге и подтягивал басом. Истинная трагедия. Мы все были очень расстроены.

Уорпл содрогнулся:

– Ты пугаешь меня, Сколлоп! И мы ничем не можем помочь?

Родни Сколлоп призадумался.

– Можно телеграфировать Глэдис, чтобы она немедленно вернулась. Не исключено, что ей удастся урезонить беднягу. Кроткое женское влияние… Да, так и нужно сделать. Загляни на почту по дороге домой и телеграфируй Глэдис. Считай, половина платы за телеграмму за мной.

В студии, которую они покинули, Ланселот Муллинер тупо разглядывал черный силуэт, вступивший в помещение. У Ланселота был вид человека, которого загнали в угол.

– Нет! – вопил он. – Я этого не сделаю.

Уэбстер продолжал смотреть на него.

– С какой, собственно, стати? – спросил Ланселот, слабея.

Взгляд Уэбстера был все так же устремлен на него.

– Ну ладно, – угрюмо буркнул Ланселот.

Он вышел из студии, еле волоча ноги, поднялся в спальню и облачился в визитку и цилиндр. Затем с гарденией в петлице отправился в дом № 11 на Макстон-сквер, где миссис Карберри-Пэрбрайт устраивала одно из своих маленьких чаепитий («несколько самых близких друзей, знаете ли»), чтобы познакомиться с Кларой Трокмортон-Студж, авторшей «По-

целуя сильного мужчины».

Глэдис Бингли поглощала второй завтрак в своем отеле на Французской Ривьере, когда пришла телеграмма Уорпла и вызвала у нее глубокую озабоченность.

В чем, собственно, было дело, ей постичь так и не удалось, ибо вихрь эмоций помешал Бернарду Уорплу связно изложить суть дела. Читая телеграмму, она то думала, что Ланселот попал в железнодорожную катастрофу, то приходила к выводу, что он до такой степени вывихнул свои мозги, что соперничающие приюты для умалишенных дерутся за право числить его среди своих клиентов. Опять-таки был момент, когда ей померещилось, будто сообщение Уорпла имеет лишь одно истолкование: Ланселот в партнерстве со своим котом занялся созданием гарема. Однако один факт был кристально ясен. С ее возлюбленным приключилась какая-то беда, и его ближайшие друзья единодушны в том, что спасти его может только ее незамедлительное возвращение.

Глэдис не колебалась ни секунды. Через полчаса после прочтения телеграммы она уже упаковала чемодан, извлекла волоконце спаржи из своей правой брови и вступила в переговоры о приобретении билета на первый же поезд северного направления.

По прибытии в Лондон она хотела было отправиться прямо к Ланселоту, однако природное женское любопытство побудило ее сначала посетить Бернарда Уорпла, чтобы он бросил свет на некоторые наиболее темные места своей теле-

граммы.

Уорпл как автор, возможно, предпочитал стиль туманных загадок, но, вынужденный ограничиться устным словом, он развил свою тему вполне удобопонятно, и пяти минут в его обществе оказалось достаточно, чтобы Глэдис постигла все относящиеся к делу факты и на ее лице появилось то суровое выражение, сопровождаемое поджатыми губами, которое можно наблюдать только на лицах невест, когда, вернувшись после краткого отдыха, они узнают, что за время разлуки их любимый успел сбиться с пути добродетели.

– Бренда Карберри-Пэрбрайт, а? – сказала Глэдис со зловещим спокойствием. – Я покажу ему Бренду Карберри-Пэрбрайт! Черт возьми, что это за мир, если девушка не может на секундочку отлучиться на Французскую Ривьеру без того, чтобы ее нареченный не вообразил себя мормонским старейшиной!

Добросердечный Бернард Уорпл пытался успокоить ее, как мог.

– Виноват кот, – сказал он твердо. – А Ланселот – всего лишь жертва. Он явно находится под вредным влиянием или лишен свободы действий.

– Как похоже на мужчину! – сказала Глэдис. – Валить все на невинного котика!

– Ланселот говорит, у него есть что-то такое в глазах.

– Ну, когда я встречусь с Ланселотом, – сказала Глэдис, – он увидит что-то такое в моих глазах.

Она удалилась, ритмично выдыхая языки пламени через нос. Опечаленный Уорпл вздохнул и возвратился к своей неовортуистской скульптуре.

Примерно пять минут спустя Глэдис, проходя через Макстон-сквер на пути к Ботт-стрит, внезапно замерла на месте. Зрелище, представившееся ее взору, заставило бы окаменеть любую невесту.

По тротуару в направлении дома № 11 двигались две фигуры. Вернее, три, если причислить к ним угрюмую собаченцию полутаксовой породы, которая семенила несколько впереди двух других, прикрепленная к поводку. Одной из двух прочих фигур был Ланселот Муллинер, крайне элегантный в сером твидовом костюме и новой фетровой шляпе. Он-то и держал поводок. В другой фигуре по портрету, который видела на мольберте в студии Ланселота, Глэдис узнала эту новейшую Дюбарри[5], эту печально известную разрушительницу домашних очагов и разорительницу любовных гнездышек, Бренду Карберри-Пэрбрайт.

В следующий миг они поднялись по ступенькам номера одиннадцать и скрылись внутри, где их ожидали чашечки чаю и, возможно, немного музыки.

Примерно полчаса спустя Ланселот, с трудом вырвавшись

---

[5] Мари Жанна Дюбарри, фаворитка Людовика XV, гильотинирована во время Великой французской революции. Ее имя стало символом аристократического распутства.

из вертепа филистеров, помчал домой на быстрокрылом такси. Как всегда после длительного тет-а-тет с мисс Карберри-Пэрбрайт, он ощущал себя ошарашенным и отупелым, будто плавал по морю клейстера и наглотался немалого его количества. Твердо знал он лишь одно: ему необходимо выпить, а потребные для этого напитки находятся в шкафчике за диваном в его студии.

Он расплатился с шофером и кинулся в дом, а его язык сухо дребезжал, ударяясь о передние зубы. И тут на его пути встала Глэдис Бингли, которая, как он полагал, находилась далеко-далеко.

– Ты! – вскричал Ланселот.

– Да, я! – сказала Глэдис.

Долгое ожидание не помогло ей обрести душевное равновесие. После того как она вошла в студию, у нее достало времени топнуть ногой по ковру три тысячи сто сорок два раза, а число горьких улыбок, которые скользнули по ее губам, равнялось девятиста одиннадцати. Она была готова для битвы века.

Глэдис стояла перед ним, и женщина в ней горела огнем ее глаз.

– У, Казанова! – сказала она.

– Кто у-у? – осведомился Ланселот.

– Ты на меня не укай! – вскричала Глэдис. – Укай на свою Бренду Карберри-Пэрбрайт. Да, мне все известно, Ланселот Дон Жуан Генрих Восьмой Муллинер! Я только что видела

тебя с ней. И слышала, что вас водой не разольешь. Бернард Уорпл сказал, что ты женишься на ней.

– Нельзя же верить всему, что наговорят неовортуистские скульпторы, – неуверенно возразил Ланселот.

– Спорим, ты вернешься туда на обед, – заявила Глэдис.

Сказала она это наугад, основывая свое обвинение только на собственническом наклоне головы, который подметила у Бренды Карберри-Пэрбрайт при их недавней встрече. Вот, сказала она себе в ту минуту, идет мерзавка, которая намерена пригласить – или уже пригласила – Ланселота Муллинера отобедать у них по-семейному, а потом сводить ее в кино.

Но выстрел попал в цель. Ланселот понурил голову.

– Да, разговор о чем-то таком имел место, – признался он.

– Ага! – воскликнула Глэдис.

Ланселот устремил на нее истомленный взгляд.

– Я не хочу идти туда, – умоляюще сказал он. – Честное слово. Но Уэбстер настаивает.

– Уэбстер!

– Да, Уэбстер. Если я уклонюсь от приглашения, он усядется напротив и уставится на меня.

– Ха!

– Но так и будет. Сама у него спроси.

Глэдис быстро топнула по ковру шесть раз, подняв итог до трех тысяч ста сорока восьми. В ней произошла перемена: она обрела устрашающее спокойствие.

– Ланселот Муллинер, – сказала она, – выбирай! Либо я,

либо Бренда Карберри-Пэрбрайт. Я предлагаю тебе дом, где ты сможешь курить в постели, сбрасывать пепел на пол, разгуливать в пижаме и шлепанцах весь день напролет и бриться только утром в воскресенье. А на что ты можешь надеяться, если выберешь ее? Дом в Южном Кенсингтоне (возможно, на Бромптон-роуд), где с вами, вероятно, будет жить ее мамаша. Жизнь, которая будет непрерывной чередой жестких воротничков, тесных штиблет, визиток и цилиндров.

Ланселот затрепетал, но она неумолимо продолжала:

– Вы будете принимать визитеров через каждый четверг, и ты должен будешь обносить их сандвичами с огурцом. Каждый день ты будешь выводить собаку погулять, пока не станешь отпетым собаковыводилой. Будешь обедать в Бейсуотере, а на лето уезжать в Борнемут или Динар. Сделай свой выбор, Ланселот Муллинер! Оставляю тебя наедине со своими мыслями. Но одно последнее слово. Если ровно в семь тридцать ты не явишься в номер шесть-а по Гарбридж-Мьюс в полной готовности повести меня обедать в «Ветчину с говядиной», я все пойму и буду действовать соответственно.

– Глэдис! – вскричал Ланселот.

Но дверь за ней уже захлопнулась.

Несколько минут Ланселот Муллинер, оглушенный, продолжал стоять там, где стоял. Затем его начало назойливо преследовать воспоминание, что он так и не выпил. Метнувшись к шкафчику, он достал бутылку, откупорил ее и уже на-

полнял стопку щедрой струей, когда его внимание привлекло какое-то движение на полу у его ног.

Там стоял Уэбстер и смотрел на него снизу вверх. В его глазах таилось знакомое выражение легкого упрека.

«Отнюдь не то, к чему я привык в резиденции настоятеля», – казалось, говорил он.

Ланселота парализовало. Еще острее, чем прежде, он ощутил, что скован по рукам и ногам, что попал в капкан, из которого нет спасения. Бутылка выскользнула из его ослабевших пальцев и покатилась по полу, янтарной струей изливая свое содержимое, но в томлении духа он этого даже не заметил. С жестом, какой мог сделать Иов, обнаружив на своем теле еще один гнойный струп, он отошел к окну и угрюмо уставился наружу.

Затем обернулся со вздохом и вновь посмотрел на Уэбстера, а посмотрев, замер как завороженный.

Открывшееся ему зрелище могло ошеломить человека и более сильного, чем Ланселот Муллинер. Сначала он не поверил своим глазам. Затем медленно-медленно до него дошло, что видит он отнюдь не галлюцинацию, порожденную воспаленным воображением. Немыслимое свершалось на самом деле.

Уэбстер скорчился на полу возле расширяющейся лужицы виски. Но не ужас и отвращение понудили его скорчиться. Скорчился он потому, что, скорчившись, ему легче было добраться до крепкой влаги и сподручнее взяться за дело.

Его язык погружался в виски, исчезал во рту и вновь погружался с равномерностью и быстротой поршня.

Затем внезапно на краткий миг он перестал лакать, повернул морду к Ланселоту, и по этой морде скользнула быстрая улыбка – до того благодушная, до того интимно-дружеская, до того исполненная веселого духа товарищества, что Ланселот поймал себя на том, что машинально улыбается в ответ – и не только улыбается, но еще и подмигивает. А в ответ на это подмигивание Уэбстер тоже подмигнул – да так сердечно и лукаво, будто сказал: «Ну-ну, проехало!»

Затем, слегка икнув, он вновь начал поглощать свою дозу, пока она еще не впиталась в пол.

В потемки души Ланселота Муллинера внезапно хлынул водопад солнечного света. Словно тяжкое бремя спало с его плеч. Нестерпимое заклятие последних двух недель исчезло, и он ощутил себя свободным человеком. Уэбстер, мнившийся столпом суровой добродетельности, оказался своим в доску. Больше Ланселот никогда не дрогнет под его взглядом. Ему теперь известна вся его подноготная.

Уэбстер к этому моменту, подобно воспетому поэтом красавцу оленю, сполна из озера испил и жажду все же утолил. Озеро виски он покинул, выписывая неторопливые задумчивые вензеля. Время от времени он пробовал мяукать, будто проверяя, не заплетается ли у него язык. Убеждаясь, что да, заплетается, он, видимо, принимал это за отличную шутку, так как после очередной неудачной попытки связно мя-

укнуть испускал неторопливый веселый смешок. А в заключение внезапно пустился в пляс, ритмично перебирая лапами, будто танцевал старинную сарабанду.

Зрелище было завлекательное, и в любое другое время Ланселот завороженно бы им любовался. Но теперь он присел к письменному столу и торопливо набрасывал коротенькую записку миссис Карберри-Пэрбрайт, суть каковой эпистолы сводилась к следующему: если она воображает, что он хоть на милю приблизится к ее гнусной берлоге нынче вечером или в любой другой вечер, то она очень и очень недооценивает способность Ланселота Муллинера увертываться и ускользать.

Ну, а Уэбстер? К этому времени демон Алкоголь уже полностью овладел им. Жизнь принципиального трезвенника сделала из него готовую жертву роковой влаги. Теперь он достиг стадии, на которой благодушие сменяется буйностью. Глуповатая улыбка исчезла с его морды, сменившись драчливой миной. Несколько секунд он постоял на задних лапах, высматривая противника, а затем, утратив остатки самообладания, очень быстро пять раз обежал комнату, обозлился на пуфик и с невероятной свирепостью атаковал его, не жалея ни когтей, ни зубов.

Но Ланселот ничего этого не видел. Ланселота в студии не было. Ланселот стоял на тротуаре Ботт-стрит и сигналил такси.

– Шесть-а, Гарбридж-Мьюс, Фулем, – сказал Ланселот

шоферу.

Коты – это все-таки коты

В зале «Отдыха удильщика» наступило благостное молчание, которое время от времени осеняет пиршество Разума и излияние Души в этой обители уюта. Нарушил его Виски С Содовой.

– Я долго думал, – сказал Виски С Содовой, обращаясь к мистеру Муллинеру, – про этого вашего кота, про Уэбстера.

– А у мистера Муллинера есть кот Уэбстер? – осведомился Стаканчик Портвейна, который вернулся в наш тесный кружок после недельного отсутствия.

Мудрец «Отдыха удильщика» с улыбкой покачал головой.

– Уэбстер, – сказал он, – мне не принадлежит. Он собственность настоятеля Болсоверского собора, который по возведении в сан епископа перед отплытием из Англии, дабы приступить к своим епископским обязанностям в епархии Бонго-Бонго в Западной Африке, оставил животное на попечение своего племянника, Ланселота, художника и сына моего кузена Эдварда. В прошлый вечер я поведал этим джентльменам, как Уэбстер временно перевернул жизнь Ланселота вверх дном. Годы, проведенные в резиденции настоятеля собора, воспитали в нем суровую добродетель и взыскательность, и он обрушил на сына моего кузена всю силу волевой и ханжеской личности. Словно бы Савонарола или кто-нибудь из библейских пророков внезапно вторгся в

беззаботную богемную атмосферу студии художника.

– Он пялился на Ланселота и расстраивал ему нервишки, – объяснил Пинта Портера.

– Заставил бриться каждый день и бросить курить, – добавил Виски С Лимонным Соком.

– Он считал Глэдис Бингли, невесту Ланселота, слишком суетной, – сказал Ром С Молоком, – и пытался женить его на девушке, которую звали Бренда Карберри-Пэрбрайт.

– Но в один прекрасный день, – докончил мистер Муллинер, – Ланселот обнаружил, что животное это при всех своих словно бы несгибаемых принципах всего лишь колосс на глиняных лапах и ничем не лучше любого из нас. Он нечаянно уронил бутылку спиртного, а кот упился ее содержимым и повел себя самым неподобающим образом, так что чары, естественно, тут же рассеялись. И какой же аспект истории Уэбстера, – спросил он у Виски С Содовой, – привлек ваше внимание?

– Психологический аспект, – ответил Виски С Содовой. – Мне представляется, что кот этот переживал глубокую психологическую драму. Я словно вижу, как его высшая натура воюет с его низшей натурой. Он сделал первый неверный шаг, но каким был исход? Нейтрализует ли новая деморализующая атмосфера, в которую его ввергли, плоды благочестивых наставлений, которые он получал еще котенком? Или благое влияние церкви одержит верх и он останется тем котом, каким был?

– Если, – сказал мистер Муллинер, – я не ошибаюсь и вы действительно хотели бы узнать, что произошло дальше, я могу вам рассказать. Никакой войны его высшая и низшая натуры между собой не вели. Низшая победила с места в карьер. С момента, когда он столь величаво нахлебался, этот, в недалеком прошлом истинно святой, кот стал гулякой из гуляк. Просыпался он рано, а ложился поздно, и дни его заполнялись вихрем дебошей и сомнительных донжуанских похождений. Не прошла и вторая неделя, как его ухо в непрерывных гангстерских войнах превратилось в свое драное подобие, а его боевой клич стал для обитателей Ботт-стрит в Челси столь же привычным, как утренние йодли молочника.

Виски С Содовой сказал, что это напоминает ему какую-то из величайших греческих трагедий. Мистер Муллинер подтвердил, что некоторое сходство имеет место.

– А что, – вопросил Ром С Молоком, – обо всем этом думал Ланселот?

– Ланселот, – сказал мистер Муллинер, – принадлежал к тем покладистым натурам, что и сами живут, и другим дают. Он смотрел на загулы кота снисходительным оком. Коты, объяснил он как-то вечером Глэдис Бингли, когда она промывала борной кислотой правый глаз Уэбстера, коты остаются котами.

Правду сказать, он вообще выкинул бы всю историю из головы, если бы как-то утром от его дяди не пришла радиограмма, отправленная с парохода посреди океана, с сообще-

нием, что он отказался от своей епархии по причине здоровья и вскоре прибудет назад в Англию. Радиограмму завершали слова: «Мой теплейший привет Уэбстеру».

Если вы не забыли, каковы были отношения между Ланселотом и епископом Бонго-Бонго, а я описал их в тот вечер (продолжал мистер Муллинер), вам не нужно объяснять, как это известие потрясло молодого художника. Гром среди ясного неба. Хотя Ланселот зарабатывал своею кистью достаточно, чтобы содержать себя, он надеялся выдавить из своего дяди ту добавочную сумму, которая бы позволила ему вступить в брак с Глэдис Бингли. И когда Уэбстер был доверен его попечениям, он считал, что указанная сумма уже у него в кармане. Ведь, убеждал он себя, простая благодарность понудит его дядю раскошелиться.

Но теперь?

– Ты же прочла радиограмму, – сказал Ланселот, взволнованно обсуждая с Глэдис Бингли сложившееся положение. – Ты не забыла заключительные слова про теплейший привет Уэбстеру? Без сомнения, дядя Теодор, едва ступив на английскую землю, поспешит сюда для радостного воссоединения с этим котом. И кого он увидит? Хулигана в кошачьем обличье. Гангстера. Громилу. Грозу Ботт-стрит. Да ты погляди на него, – сказал Ланселот, расстроенно махнув рукой в сторону подушки, на которой возлежал Уэбстер. – Только взгляни на него, прошу тебя.

Бесспорно, вид Уэбстера не ласкал взгляд. Недавно на его личный мусорный бак покусились коты-вышибалы из пивной на углу, и, хотя он положил решительный конец их поползновениям, бесследно это для него не прошло. Еще один фрагмент был изъят из уже укороченного уха, а гладкие в недалеком прошлом бока лишились нескольких клочьев меха. Он смахивал на члена уличной шайки после веселого вечера в тесном кругу друзей.

– Что, – продолжал Ланселот, съеживаясь прямо на глазах, – что скажет дядя Теодор при виде этого мордоворота? Винить во всем он будет меня. Он будет настаивать, что это я завлек высокий и прекрасный дух в трясину. И шансы разжиться у него парой-другой сотен на медовый месяц пойдут прахом.

Глэдис Бингли еще пыталась побороть безнадежность.

– Ты не думаешь, что хороший мастер по парикам сумеет что-то сделать?

– Мастер по парикам мог бы присобачить мех на пролысины, – признал Ланселот. – Но как быть с ухом?

– Хирург-косметолог? – намекнула Глэдис.

Ланселот покачал головой.

– Дело же не просто в его внешности, – сказал он, – а в его личности. Самый скверный психолог при виде Уэбстера сразу поймет, что он такое: крутой кот и незаконопослушный гражданин.

– Когда должен приехать твой дядя? – спросила Глэдис

после паузы.

– В любую секунду. Он уже, наверное, сошел на берег. Не понимаю, почему его еще нет.

Тут из прихожей донесся шлепок, возвестивший, что в почтовый ящик на двери брошено письмо. Ланселот понуро направился туда. Несколько секунд спустя Глэдис услышала удивленное восклицание, и он вбежал в студию, держа в руке развернутый листок.

– Только послушай, – сказал он. – От дяди Теодора.

– Он в Лондоне?

– Нет. В Гэмпшире. В поместье Уиддрингтон-Мэнор. И что самое главное, он пока не хочет видеть Уэбстера.

– А почему?

– Сейчас я прочту тебе, что он пишет.

И Ланселот прочел следующее:

Уиддрингтон-Мэнор,
Боттлби-в-Долине,
Гэмп.

Дорогой Ланселот!

Без сомнения, тебя удивит, что я не поспешил приветствовать тебя сразу же по возвращении на родные берега. Объяснение в том, что я гощу по вышеуказанному адресу у леди Уиддрингтон, вдовы покойного сэра Джорджа Уиддрингтона, кавалера ордена Британской империи, и у ее матушки, миссис Пултни-Бенкс, с коими я познакомился на пароходе,

когда возвращался домой.

После довольно-таки унылых окрестностей Бонго-Бонго я нахожу наши английские сельские пейзажи очаровательными и обретаю здесь приятный отдых и покой. Леди Уиддрингтон и ее матушка воплощение доброты и, особенно первая, мои постоянные спутницы в прогулках по рощам и лугам. Нас чрезвычайно сблизила присущая нам обоим любовь к кошкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.